

Лев Славин

Страницы дневника

Страдания молодого Льва

Лев Славин. Одесса, 1920

Славиных в конце XIX века в Одессе было много. Все они были мещанами: и мстиславский Копель, и брест-литовский Арон, белозерский Хаим, гонидзский Фишель, бобруйский Симон, кишиневский Мордко, рогачевский мещанин Тихвинского общества Мордух.

И были два велижских мещанина Витебской губернии – братья Ицко (старший) и Липка (младший) Симоновы Славины.

12 марта 1895 г. Ицко Симонов Славин, 25 лет, женился на дочери турецко-подданного девице Фрейге Симе Ицковне Ярославской, 25 лет. Обряд совершил исполняющий должность раввина И.В. Айхенвальд. А 15 октября 1896 г. в книге раввина появляется запись о рождении первенца – сына Льва у велижского мещанина Витебской губернии

Ицко Симонова Славина и жены Фрейды Симы. Именно Льва, хоть других новорожденных записывали Лейбами.

С 1909 года семья жила на Нежинской, № 16 (сейчас там установлена мемориальная доска). У Славина были две младшие сестры – Анна и Мария (по-домашнему Нюся и Муся).

Из ворот этого дома выходил юный Лев, направляясь в гимназию Илиади, а затем в Новороссийский университет.

Александр Юльевич Розенбойм нашел в архиве дело студента юридического факультета Новороссийского университета Льва Славина. Зачислен он был сверх еврейской нормы. В деле копия паспортной книжки отца, где указаны приметы: рост 2 аршина 5 вершков (примерно 166 см, как у Пушкина), волосы светлые. И особая примета – на правой руке шесть пальцев. Здесь же паспортная книжка дяди Самуила Симовича, ратника ополчения из запасных 1 разряда, в паспортную книжку вписана жена Рашель.

Аттестат Льва: обучался он с 31 августа 1906 по 28 мая 1916 и «при отличном поведении обнаружил нижеследующие знания» – далее оценки: две пятерки (латынь и французский), четверки по русскому и церковнославянскому языкам и словесности, философской пропедевтике, немецкому и истории, тройки по математике, физике, географии, законоведению. В университете проучился он всего лишь полгода, а потом пошел на фронт.

В 1931 выйдет его роман «Наследник». Главный герой – внук еврейского купца и графа, действие происходит во время первой мировой. Картины мирной жизни и батальные сцены, ирония ситуации – как говорит один из персонажей главному герою:

«Вы даже не человек. Вы выдуманы. Вы выдуманы Чеховым.

– Ничего подобного! – сказал я, ужасаясь непонятности его слов. – Вы сами неправдоподобный, у вас спина неправдоподобная. Такие, как вы, не бывают. Вот вы действительно не человек. Вы...

– Позвольте, – сказал Духовный холодно и сел на стул. Он продолжал с большой учтивостью: – Вы закатываете истерику, а я вам дело говорю. Ваш дед граф Шабельский? А другой – Абрамсон? Так. Ваш отец Николай Алексеевич Иванов? Кончил самоубийством? Все совершенно сходится. Ваша матушка Сарра Абрамсон, иначе Анна Степановна, умерла от чахотки? Так. (...) Все это персонажи из драмы Чехова «Иванов». Там все это описано. Ну, я ведь не отвечаю за ваше незнание классической литературы».

Роман был популярен. Через четыре года Марк Тарловский напишет стихотворные мемуары об Эдуарде Багрицком «Веселый странник».

Начинается поэма с разговора пяти юношей на бульваре. Это Олеша (бонапартоид), Славин, Катаев (артиллерист), Ильф (пегий лентяй) и Багрицкий, рассуждающие о некоем человеке, втащившем «тюк по лестнице с приморского вокзала». И у каждого – своя версия. Версия Славина полностью укладывается в сюжет его романа:

«А вы всё в эмпиреях, – перебил
Бонапартоида сидевший рядом. –
Библиеман – плохой библиофил,
И я не к притчам склонен, а к балладам.
Не два крыла, попавшие в пике,
Чей фюзеляж надгробен и глазетов, –
Нет, может, быть для прозы в том тюке
Лежат узлы запутанных сюжетов;
Быть может, жив там теплый дух таверн,
В отчаянной кривой «Тристрама Шенди»,
Быть может, этот путник – старый Стерн,
Чья фабула теперь нам снова взбрендит.
И может быть, переплелись вконец
Там нити небывалой родословной,
Где ходит в пейзаховичах отец,
А мать зовут, наоборот, Петровной.
Дед по мамаше – русский феодал,
Дед по папаше – хедерский Меламед,
И внука рвут на части, и – скандал,
И неизвестно, кто переупрямит».
Так следовавший справа говорил
И чем-то с виду был незауряден:
Взгляд, позаимствованный у горилл,
Горел на дне глазных подбровных впадин.
Казалось, что тысячелетий даль
Не властна здесь, что юноша – потомок
Людей, чье кладбище – Неандерталь,
У чьих костров редела ткань потемок;
Что не под крышей – средь зверья скорей

Был задан «брис» ему или крестины...
Так живописно из пещер ноздрей
Росли кусты некошеной щетины;
Так разбегались от бровей, от губ
Лучи наследственных ассоциаций...
Он все же был опрятен и не груб
И не на шкуре спал, а на матраце.
Его гортань, как медная труба,
Играющая в бархатном футляре,
Ласкала ухо, но была слаба
Для зычных, для господствовавших арий.

Примечательно, что через много лет, в 1977, Валентин Катаев назовет почти ту же компанию – Ю. Олеша, Е. Петров, И. Ильф, Э. Багрицкий, Л. Славин. И, как и у Тарловского, Славин «наследник»:

«...в Мыльниковом – поселился я, приехав в Москву, а следом за мною через мою комнату прошли почти все мои друзья, ринувшиеся с Юга, едва только кончилась гражданская война, на завоевание Москвы: ключик, брат и друг, птицелов, наследник и прочие».

Любовь часто подкрадывается незаметно. Впервые Софочка Лившиц увидела Льва, когда ей было 14 лет. Она была племянницей Рахили Славвиной, жены младшего брата отца Самуила (Липки или Сени – в дневнике). Встретились в лавочке, в дачном районе за городом, Софа показывала дорогу на какую-то дачу, Славин рассказывал что-то о римских легионах. Потом Лившицы переехали в Киев, были встречи, общение, но любовь пришла позже, в 1922 году. Судя по записям в дневнике, Рахиль (Рашель Григорьевна) была очень недовольна романом племянницы, дело дошло до разрыва отношений.

Конечно, и до этого Славин влюблялся, но «то все была водица, а это настоящее вино». И он, взрослый человек, прошедший войну, вел себя, как мальчишка: страдал, мучился, ревновал, совершал нелепые поступки, падал духом, не смея надеяться, и тут же возносился до небес.

Но Славин – писатель, пусть и начинающий. Свои раздумья, счастье, отчаянье он выплескивает на страницы дневника. «Если я пишу для того, чтобы разобраться, – я своей цели не достигаю. Положение как было запутанное, так и остается. Если я пишу для того, чтобы описать и закрепить то хорошее, что происходит со мной, то я своей цели не достигаю.

Чтобы описать предмет или предложение, нужно отстраняться от него в пространстве и во времени. Если иногда то, что я пишу, выходит художественным, – это помимо моей воли и независимо от нее, – разумеется, художественных замыслов у меня нет. Я пишу без цели; всякий дневник безумен. Пока я пишу, мне приятно: это близит меня к Софе. Часы разлуки ужасны, я их скрадываю».

Позднее в его текстах будут почти дословные цитаты из дневника.

«Я до сих пор не знал, что у меня есть сердце. Не было таких вещей, которые заставили бы его усиленно биться, за исключением разве бега на три тысячи метров, – законное сердцебиение стайера после второго километра, успокаиваемое короткими вдыханиями через рот. Но теперь, после двух шагов прогулки с Катей, оно начинало жужжать, как муха в кулаке, оно хлопотало в своем левом углу (жалкий паразит, которого я выкормил в своей груди!), в одну минуту сводя на нет весь труд тренировки и гордости – от взгляда, от встречи локтей, от темноты кинематографа. Мне делалось больно» («Наследник», 1931).

«Ни одна фотография не похожа на тебя, потому что у тебя очень подвижное лицо. Подойди ближе. Еще ближе. Твои волосы щекочут мой висок. Это лучше всего. Приложи свою щеку к моей. Так. Она холодней, чем моя. Ты всегда была чуть прохладней меня. Мы видим одно. Как хорошо» («Дело под Картамышевом», 1939).

После смерти Льва Исаевича Софья Наумовна передала большую часть архива в РГАЛИ. Но страницы о бурном и непростом времени одесской осени 1922 оставила себе. Позднее племянник Славина Владимир Рубцов передал дневник в дар Одесскому литературному музею.

Записи в дневнике начинаются 7 сентября 1922 с отчаянной фразы «Вот уже 2 часа дня, а я все еще не люблю Софочку. Я беспокоюсь этим. Уже скоро 16 часов, как я ее не люблю. Неужели разлюбил, и без всякой уважительной причины» и обрываются 12 ноября: «Что мне делать! В Киев тянет все сильней, тут Софа бомбардирует письмами «Приезжай...»

Дневник полон Софочкой (когда царит гармония) и Софой (когда отношения становятся прохладными). Больше никто не нужен. «Я никого не хочу видеть. Ни друзей, ни женщин. Я хочу одну Софочку. Мне больше не надо. Все недоумевают: отчего меня нигде не видно? Где Лева? Куда пропал Славин? Ах, Боже мой, какое мне дело до всех вас! Я возле Софочки, там мне хорошо, я не хочу знать всех вас».

Мимоходом Славин упоминает Илю (Ильфа, самого близкого друга в те годы) и Эдю (Багрицкого), с восторгом пишет о встрече с талантливым Анатолием Резниковым. И с Багрицким, и с Бабелем он познакомит Софочку уже после свадьбы.

Славин мучается безденежьем, которое не дает соединиться с любимой. Но он все же нашел выход. Какой? Сейчас уже не узнать. Может, помогла работа в библиотеке железнодорожников, о которой упоминается в дневнике.

Он получил два дня отпуска, приехал в Киев за Софочкой. Ее отец строго сказал: «Без загса из дому не выпущу». Но, как вспоминала Софья Наумовна, в загсе были огромные очереди, никакие уговоры не помогли. Когда расстроенные жених с невестой и свидетели вернулись домой, их встретили цветами и шампанским. Признаться было невозможно, свидетели хохотали до слез, Лев с Софьей едва успели на пятичасовой поезд.

«Из Киева в Одессу в свою семью муж привез меня 18 февраля 1923 года. Мы шли через двор, вдруг муж сказал:

– Держись левее, она может выпасть из окна.

Я оглянулась – из всех окон флигелей, окаймлявших двор, на нас глядели. Большею частью женщины, иногда с детьми. Я спросила:

– Что это?

Лева сказал:

– Ну, как же? Они узнали о важном событии – Левочка Славин женился! Интересно посмотреть, кого привез», – писала Софья Наумовна.

Она вспомнила и первую встречу с Бабелем:

«–Познакомьтесь, Исаак Эммануилович, моя жена – Софья Наумовна Лившиц.

– Как?.. А я думал, она – русская. Вы же знаете... Я считаю, что надо смешиваться... Мы живем где?

– Ну, что поделаешь, на этот раз не удалось! – сказал мой муж.

Эта его неудача длилась шестьдесят один год, пока он был на этом свете».

Воспоминания Софьи Наумовны о первых днях совместной жизни были опубликованы в 37 номере «Дерибасовской – Ришельевской».

А сейчас из дневника Льва Исаевича можно узнать о трех осенних месяцах, наполненных солнцем и дождем, счастьем и отчаянием,

поцелуями на Ланжероне и ссорами на бульваре, встречами в буфете Краснощека и в консерватории. О случайных встречах и отчаянных надеждах. О любви.

Алена Яворская

7/IX.

Вот уже 2 часа дня, а я все еще не люблю Софочку. Я беспокоюсь этим. Уже скоро 16 часов, как я ее не люблю. Неужели разлюбил, и без всякой уважительной причины. И все время в голову прут женщины, которых любил. Их было не очень много. А все-таки достаточно. Многих не помню. Других вспоминаю, но имена бесследно забыл. А иных буду помнить всегда. И, прежде всего Тусю, конечно! А Леночка? Я ее встретил гимназистом. Был пьян тогда. Благодаря ей узнал неизбывную сладость женского тела. Потом она пропала. И снова встретил в 1918 году. Опять полюбились.

9 часов. Вернувшись от Софочки. Я люблю эту проклятую женщину, я не могу от нее отстать и никогда не отстану. Я хочу кончить о Леночке. Это была высокая худощавая и гибкая женщина. Пикантная мордочка. Отсутствие зуба впереди увеличивало ее пикантность. Она была очень искусна в любви. Ее пальцы я помню донине. Она сделала огромные успехи в промежутке, что я ее не видел. Люди воевали и делали революции, она в это время училась любви; она не теряла времени даром. До нее я не знал, что такое поцелуй. И после нее не встречал никого, кто бы так целовался. Это какая-то удивительная композиция из губ, зубов, языка и дыхания.

Некоторыми чертами Леночка напоминала Соню. Все же ей далеко до Сони. О Соне я вспоминаю с нежностью, о Лене думаю без всякого сожаления, с облегчением. А когда недавно встретил ее – почему-то рыжую – даже неприятно сделалось, смотря на нее. Скоро я оставил ее.

Юлочка в Инсаре? Она меня прельстила тем, что в ней была какая-то английская хрупкость, блондинка – я мало знал блондинок. И другая Лена там же, грубая веселая сестрица, в ней было веселое распутство, толстые ляжки, контральто, вино хлестала, как воду. Кто еще? Августина? Ел. Д? Грубые мгновенные соединения. Люся? Глупость.

И Титуся, моя любимая Титуся, моя первая чистая любовь. А ведь ее любил сильнее и дольше всех. Я любил ее очень долго. Я думал, что всегда буду любить ее. А полюбил 14-летним мальчишкой, отбил у лучшего товарища и не переставал любить только ее одну в продолжении 8 лет. Потом это угасло. Какое это было нелепое и очаровательное время! Как я был робок! И она робко шла мне навстречу. Сумасшедшие письма, что я ей слал в Одессу отовсюду, даже из самой Одессы. Вызовы по телефону в 2 часа ночи. Идиотские стихи. Объяснения через подруг. Слежки на улице. Будто бы случайные встречи. Цветы от неизвестного, когда она играла в Консерватории. И, наконец, вместе. Вместе слушали итальянский у Мочульского и ничего не понимали. Вместе шлялись по кино маленьким грязным и блаженствовали, сидя в длинном зале где-то позади. Французский бульвар в ярком лунном свете, я бегу как сумасшедший, я кричу неизвестно от чего – от радости жить. Перебирались по камням в какие-то заброшенные купальни и, свесившись над перилами, плевали в темную воду.

Умная девочка, и гораздо образованнее меня, старалась меня многому научить, в многом я был невеждой перед ней, пожалуй, ни с одной женщиной не было у меня духовного общения, кроме Титуси. Блондинка, полное тело на стройных ногах, я с ней сошелся чрезвычайно. Она была бы идеальной женой. Никто не понимал меня лучше ее. Между нами было полное согласие. Чудесная женщина, чудесный товарищ, равный, если не превосходивший меня по уму, во всяком случае, ее духовные интересы были несравненно шире моих, – и все, и только – в области искусства. Его она знала и изучала широко и подробно. Она часто изумляла меня обширными своими познаниями в живописи какого-нибудь Ренессанса, или театра эпохи Плавта. Золотые косы, от нее всегда благоухало нежным девичеством. Но я ее разлюбил. Она позже вышла замуж, уже за границей, за старого художника. Недавно писала из Вены, что имеет девочку.

Прочих не стоит вспоминать после Титуси.

А теперь Софа – потому что я ее люблю. И вижу теперь, что в сущности, никого не любил. То все была водица, а это настоящее вино. Я был сегодня у нее. Мне было минутами досадно смотреть

на нее – что весь я в ее власти, во власти моей невеняемой любви. Она говорит, что любит меня; не смею ей не верить. И я сделал то, что наполняет меня величайшей радостью, но что <неразб.> величайшей глупостью и подлостью по отношению к самому себе. Я согласился-таки жениться на ней. Я согласился на ее отвратительное условие. Я соглашаюсь на все. Я как будто лишился способности возмущаться. Это ужасное, унижительное для меня и для всякого мужчины условие. Что я сделал? Ну разве я могу согласиться? Есть вещи постыдные. Бежать от врага – постыдно. Низкопоклонничать – постыдно. Бить ребенка – постыдно. Взять в жены любимую и не сместь обладать ей – постыдно. Тот, кто делает все это, достоин презрения. Он не мужчина – а ничтожество. Что за извращенная женщина, она первая должна презирать меня за то, что я соглашаюсь на это. Я сам буду презирать себя и не посмею посмотреть себе в глаза. Но я соглашусь, потому что люблю ее. Мне в голову приходят самые ужасные предположения. Я не смею высказывать, до того все это грязно. Я верю в самый грязный поступок после того, как она предложила мне это. Я не могу писать больше.

8/IX.

Вернулся домой поздно. Очень устал. Получасовой сон освежил меня. Снова свеж. Весь день на ногах, исходил Бог знает сколько и все с Софой. В 11 встретил ее в порту на вокзале. Исходили Дерибасовскую. Пошли в «Гум» на Пушкинской. Пошли на вокзал. Были Трибунале. Пошли опять в «Гумм». Опять шатались по Дерибасовской. Она вдруг залетела в магазин и вылетела оттуда с мешочком бисквитов. Когда бисквиты были скушаны, она опять влетела в магазин и снова вылетела с мешочком бисквитов. Пошли на Бульвар. Она была такая миленькая, как никогда. Я смотрел на ее загорелую рожицу, и страшно хотелось ее поцеловать тут же на улице. Сидели на Бульваре. Казалось, это конец. Так нет. Я усадил ее в поезд. И сам сел до отхода. И вдруг уехал на Лиман. На Сортировочной сошли и пошли на море. Посидевши на берегу, пошли степью на Лиман. Я остался на вокзале. Она пошла домой и скоро пришла с деньгами, папиросами, с яблоками. Еще час – и я уехал.

10/IX.

Вчера у меня был Боря. Позвал я его познакомиться с Софочкой. – «Какова?» – спрашиваю его вчера. – «Изумительно хороша», – говорит. Я смеюсь и доволен. Сейчас утро. Не знаю, что буду делать. Не знаю, что желать. Я – не помешанный. Что за дурак – я думал, что разлюбил ее. Никогда мне это не удастся.

– Вы любите меня? – спросил я.

– Да.

– Вы влюблены в меня? – спросил я.

– Да.

Я знаю, что ненужно бесцельно писать все это, но я пишу, заполняя десятки страниц Софочкой. Она любит меня. Но отчего ж она не хочет этого? У меня несколько предположений. Возможно, что ни одно из них не правильно. Как всегда, самым правильным будет самое простое. А вообще говоря – нет, <неразб.>. Кругом меня стена. Куда не ткнусь – стена. Глухая. Что делать? Пускай она делает. А я не хочу – я не могу. Может ли она? Я ей скажу, что не могу, и посмотрю, что она скажет. Раньше она была для меня интересная, красивая, заманчивая, а теперь – милая, бесконечно милая. Само время вдруг стало. Но оно не стоит. Медленно неумолимо ползут дни. Сегодня воскресенье, а в субботу она уезжает. Суббота – страшный день, после которого ее не будет. Я останусь один. Я обещал ей не позже 1 ноября приехать в Киев, взять ее и уехать в Питер. На чем основывался, утверждая это, – неизвестно. Денег нет, и никаких видов достать их – тоже нет. Печально все это. Вдруг просыпается дикая энергия, и я уверен, что достану все нужное, и все будет, как хочу. Из-за нее ничего не пишу. Как долго это будет? Ничего, все устроится. Увижу ее может, сегодня, а, наверное, завтра. Боюсь, не уехала бы из Лимана в город – без того, чтоб я знал об этом.

11/IX.

Вчера был у Багрицкого. Пришел молодой человек. Отрекомендовался: К<неразб.>. Литератор из Харькова. Привез мне письмо от Ширмахера (Агатова). Ширмахер зовет в Харьков, можно там отлично жить. Боже мой, повсюду меня зовут! Куда мне ехать: в Питер? В Москву? В Харьков? В Киев? В уезд?

Вечер. В печальных размышлениях. После обеда спустился с горы на ст.[анцию] Пересыпь, чтобы ехать на Лиман. Прихожу – пустой вокзал, поезд уже ушел, больше сегодня не будет. Я кидаюсь в трамвай и доезжаю до Ярмарочной площади. Дальше трамвай не идет. Бегу влево, перелезаю через какие-то запасные пути и достигаю станции «Жевахово». Осведомляюсь: идет ли поезд на Лиман? Если нет – решаю идти пешком. Ура! Через полчаса будет поезд с Одессы-Главной. Сажусь на скамью. Кругом лузгают семечки деревенские барышни, гуляют железнодорожники, молодой <неразб.> чекист с надменным прыщавым лицом поминутно вытаскивает огромный наган и втискивает его обратно в кобуру. Я вынимаю из кармана пальто «Сад Эпикура» и читаю. Солнце ласково припекает сзади.

В 5 часов приходит поезд и уносит меня на Лиман. Я боюсь не застать Софочки – может опять она на пляже? Я всегда чего-то зря боюсь. Приехав, схожу – со стороны противоположной вокзалу и через решетки и пруд бегу к Софочке на дачу. Знакомый запах аптеки и бани повергает меня в трепет. Стучу. Голос Клары Ваксман вопрошает: «Кто там?» – «Славин». Она высовывается из двери. Она не может меня впустить. Она моет голову. Софочки нет. Может быть она на вокзале. Лечу на вокзал. Никого. Поезд вытянулся вдоль платформы. Он уйдет через час. Я покупаю семечки. Досадливо грызу их, гуляя по перрону. Где же она? Ох, уеду, не увидев ее. Но издали сквозь деревья продирается что-то красное и белое, торопится, стриженные волосы. Счастье! Она. Она тут. Загорелая. Идем к пруду и там ложимся на моем пальто. Сегодня уже новые разговоры. Необыкновенная покорность. На все согласна. Замуж – да, замуж. Без всяких оговорок и ограничительных условий. То знаменитое условие уже не существует – как будто его не было. Готова ждать меня – годы. Любит меня так, что мне жарко становится. Фу! ничего не понимаю. Одно знаю – уезжает через несколько дней, – и это хуже всего. А я вижу все ясней и ясней, что без нее мне не жить.

12/IX.

С утра – дела. От них к 2 часам дня – несносная головная боль. В 3 спускаюсь на Пересыпь. И – удивительно – успеваю к поезду. В воротах дачи встречаю Софу. Идем. Гуляем. Хочем, как одурелые. Завтра она уезжает, наконец, с Лимана

в город. Сидим у нее. Если б она знала, как трудно мне целовать ее, она не делала бы этого. Мне тяжело оттого, что хочу ее. Снова выходим. Я сегодня еще кое-что объяснил ей. Когда же она поймет, наконец? Она такая умная, а этого не понимает. Вот где можно изощрять дипломатические способности. Завтра буду изощрять. Пришли на вокзал. Поезд стоит, готовый к отходу. Вдруг я чувствую прилив необыкновенной ненависти к поезду. Она давно назревала и вот прорвалась. Я решаю не ехать, а идти в город. Я злобно смотрю на поезд и гордо обхожу его. Выхожу на дорогу и, как сказал, направляюсь в город пешком. Софочке смешно и страшно за меня. Она идет со мной. Мы идем, возвращаемся, рядом туда и снова я не могу отстать от нее. Когда внезапно наставшая темнота заставляяет меня распрощаться с ней.

Условился завтра встретиться, поднял воротник пальто и бодро зашагал. Темно, дорога пуста и бесконечна. Я один, горько пахнет степными травами. В небе блестящие звезды, я высокий, прямой и серый бесшумно и быстро продвигаюсь сквозь травы, через лужи, минуя камни, поваленные столбы. Вдруг – из мрака с чудовищным лаем вырывается на меня стая собак. Я разгоняю их ужасным нелепым криком, которого сам пугаюсь. Но они снова набегают, особенно страшна их передняя, огромная мохнатая, ее зубы, кажется, светятся в темноте. Еще немножко – они меня разорвут. Я срываю плед и неистово молочу направо и налево. Собаки отстают. Переваливаю площадь и выхожу на Николаевскую дорогу. Прихожу на Московскую ул. Добираюсь до трамвая. Увы! Он стоит темный: тока нет. Я бешусь. Но иду дальше. Еще хороших верст шесть до дома. За мной увязался какой-то старик – попутчиком. Он идет и что-то бормочет. Я большими шагами ухожу от него. Он визжит и догоняет. Вдруг – с лязгом и свистом проносится оживший трамвай. Я вцепливаюсь в поручни и уношусь на нем. Старичок, оставшийся позади в темноте, кричит, как буд-то его режут. Я в городе.

Только что во двор приехали какие-то киевляне. Вдруг и Софин брат приехал с этим поездом? Если так – возможно, что завтра она еще не переедет в город и – значит – не увижу ее. Что делать?

13/IX.

Дождь меня еще больше убеждает, что сегодня Софочку не увижу. Вчера вечером, возвратившись с Лимана, застал записку от Или (И. Ильфа. – А. Я.) и Эди (Э. Багрицкого. – А. Я.), зовущую меня на пунш. «Может, именно сегодня зажжется пунш!» – так патетически заканчивается эта записка. Я не пошел, не захотел. Ничего мне теперь не нужно. Лиля Орлова приехала из Питера. Я ее не видел. Я никого не хочу видеть. Ни друзей, ни женщин. Я хочу одну Софочку. Мне больше не надо. Все недоумевают: отчего меня нигде не видно? Где Лева? Куда пропал Славин? Ах, Боже мой, какое мне дело до всех вас! Я возле Софочки, там мне хорошо, я не хочу знать всех вас.

Ночь. Только что вернулся. Конечно, Софочку не встретил ни в одном из назначенных мест. Ясно: она еще на Лимане. И никак невозможно узнать теперь: где она? Поехать на Лиман – а вдруг она в городе либо переезжает. В городе не знаю, где искать ее. Одно остается: зайти к Лёне в «Гум». Но и это неудобно по некоторым соображениям. Сегодня не видел ее – один только день – а как тяжело! Был с Мусей, с Эдей, с Илей. Скучно это. Не пишу ничего.

14/IX.

Сегодня – четверг. Я знаю: <неразб.> она уедет и до отъезда уже не увижу ее. Вчера не видел ее целый день, но зато видел целую ночь. Всю ночь она снилась мне. И от этого в душе еще неразошедшаяся нежность. Думаю, – она может и прямо оттуда уехать в Киев.

Ночь. С утра был занят делами и бездельем. Зашел между прочим в «Гум», думал узнать от Лёни, где Софа, но его не застал. Опечаленный прибрел домой. Во втором часу дня сижу за своим столом, дожидаясь обеда, и что-то такое делаю. Вдруг в дворе звонкий голос восклицает: – «Вы mademoiselle Славина?» Сестра из окна отвечает: – «Да». – «Позовите Леву». Я – в окно. Софочка в сером костюме. Зовет вниз. Я влезая в пальто и в фуражку и слетаю во двор. Оба рады, что видим друг друга. Вчера она пришла на Греческую площадь минутами позже меня. И я жалею, горько! <неразб.> – не видел Софочку!

Софья и Лев Славин. 1920-е гг.

Доходим до «Гума» и входим в него. Оттуда возвращаюсь домой, пьяный от радости. Протрезвевши, сажусь в трамвай и качу в установленное место встретить Софочку. На углу Базарной и Канатной скатываюсь с мчащегося трамвая и озираюсь. Я немного запоздал. Вдали маячит серая элегантная фигурка. Она стоит в раздумьи и смотрит вниз, выглядывая меня. Я подхожу сзади. Она оборачивается, я вижу счастливое милое лицо. Мы сидели на Пушкине на бульваре, а потом были в кино, маленьком, грязном, куда нарочно пошли. Потом вернулись на Канатную, в буфете Краснощека пили кефир и грызли галеты. И распрощались у дома тети Хили, где она сейчас живет. Эта ужасная женщина устраивает ей сцены из-за меня. И мне надо опасаться, чтобы она не узнала, что выдаю Софу.

15/IX.

Вчера, простившись с Софочкой, зашагал вниз по Еврейской домой. Шел, распахнув пальто, опустив голову. И вдруг в 2 шагах от себя увидел идущих навстречу Раш.[ель] Григ.[орьевну] и Сенью. Я обомлел и сжался. Они шли прямо на меня, эта высокая костлявая женщина и ее несчастный муж. Мы молча разошлись, и я думал, что в темноте они меня не узнали. Сегодня утром приходил к Краснощеку. Вижу, Софочка сидит за столиком. Черт возьми, жизнь хороша! Легкое платьице, загорелая спина, большая панاما. Мы пошли на море в «Отраду», по дороге прочли объявление хиромантки, наклеенное на столбе, повернули назад к ней. Старая еврейка «из Сибири» в грязной комнате грязными руками облапила тонкую Софину руку. Она рассказала на чистом одесском языке прошлое, которое в то же время было настоящим и даже будущим. Счастливые дни Софины: вторник и четверг до заката солнца, «когда солнце по географии закатится по шару...». Мы хохотали, как сумасшедшие, и пошли в «Отраду». Оказывается, Раш. Гр. меня вчера таки видела. Софочке – очередной скандал. Опять Краснощек и расстались, условившись вечером встретиться. Но не видел ее вечером. И тоскую. И раздражает она меня, и влюблен. Хочу видеть. Как же завтра увидеть? Не знаю. Сомневаюсь, будет ли мне хорошо с ней в браке. Ненавижу я брак. Боюсь его.

17/IX.

Раннее утро. Ясное. Воскресенье. Я люблю воскресенья. Может быть, это еще от гимназических времен – светлое праздничное настроение. Вчера утром был занят по делам. На Почтамте встретил Лилию, приехавшую из Питера. С ней вместе гуляли. Зашли к Иле. Я не знал, как ухитриться мне увидеть Софу. Утром я думал поехать к Краснощеку, но сказал себе, что это невероятная надежда встретить там Софу. И не поехал. Томился до вечера. Вечером пошел с домашними в оперу, где давали «Евг.[ения] Онегина». Я говорил Софе, что буду в опере, и звал ее туда – она же в этот вечер обещала кому-то быть в Консерватории. Я, идучи в театр, заскочил в Консерваторию. Войдя в зал, обозрел публику, ее не нашел и, огорченный, пошел в театр. Еще до начала спектакля гулял по театру, показывая его сестре. Возвращаясь к себе в ложу, был остановлен капельдинером.

«Вас спрашивала какая-то барышня». Я равнодушно пожал плечами и пошел дальше, но вдруг сразу понял, что это была Софа, бросился вниз по лестнице, выбежал из театра, пустые улицы освещенные электричеством, запоздалые посетители спешат в театр, никого – я вернулся в ложу. – «Была Софа, – говорит мама, – она в амфитеатре». В антракте я встретился с ней, она с подругой Кларой Ваксман. Я проводил ее в Консерваторию, посидел с ней недолго и пошел обратно в театр. Возможно, что она сегодня уезжает. Никогда еще я не видел, что она меня так любит, как вчера за эти коротенькие $\frac{1}{4}$ часа.

В первый раз я это увидел и поверил – Боже мой! Может быть, она любит меня больше, чем я ее. Она смотрела мне прямо в глаза, мучилась и любила. Она была обворожительно хороша в этом английском костюме и шахматной шапочке. До чего у нас мысль идет одинаково: позавчера я искал ее на Соб.[орной] площади и она меня тоже, и дважды, как я, по сферам и солнечному вращению, – когда я хотел быть у Краснощека – она была там – «потому что я думала, что вы тоже там будете», – говорит Софа. Я – в Консерваторию, она – в театр. Но если она сегодня уедет? Пропаду без нее. Она не верит, что я люблю ее, ей больно от этого. Пускай помучается; я тоже мучился. И мучусь оттого, что не знаю, как устроить, чтоб жить с ней. Мне невозможно счастье без Софы, потому что я люблю ее.

Ночь. Светлое воскресное утро превращается в темную ночь. Идет дождь. И в душе моей ненастье. Любовь моя к Софочке – каторжная любовь. Боже мой, пусть любовь моя будет легка! Я вспоминаю пушкинское: «Ты любишь горестно и трудно...». Это про меня сказано. Мне грустно. А между тем – она меня любит, это так же несомненно, как и то, что я люблю ее.

Сейчас измучен прошедшим днем так, как будто работал без усталости с утра до вечера. Утром пошел в буфет Краснощэка, где условился свидеться с Софочкой. Ее нет. Сел за столик и потребовал бутылку кефира, мне совершенно ненужного. Хозяйка говорит: «Та барышня уже была, сказала, придет скоро». Хорошо. Я начинаю находить в кефире известную сладость. Входит Софочка. В своем красивом костюме она не может не быть обворожительной. Мы пошли на Ланжерон. Лежали на берегу. Я не знаю, о чем мы говорили. Она напустилась на меня. Я видел злость и презрение. Я был уничтожен. Мне хотелось умереть. С язвительностью иезуита, с упорством женщины, со злобой непримиримого врага она перечисляла все мои слабые стороны, вывернула меня наизнанку и доказала, как дважды на два четыре, что я ничтожный и ненужный человек. Мы ушли с Ланжерона в молчании, под дождем. Я не мог ни говорить, ни думать. Я не видел куда иду. Мы укрылись от дождя в полуразрушенной будке посреди поля. Там я целовал ее без конца. Она лежала у меня на груди. Я чувствовал, что мы любили друг друга, я и Софочка, что идет дождь, что я самый несчастный и самый счастливый человек в мире. Я был как пьяный. Она много говорила, я ничего не понимал. Она меня умоляла приехать в Киев. Я сказал, что не могу сейчас. Она сказала, что достанет деньги. Мы решили жениться (в который раз? и сколько еще раз перерешим). Мы расстались, наконец. Я пошел домой. Вечером она пришла ко мне. Сидела у меня. Миленькая. Смотрела на меня с любопытством, не понимая, что я за птица. Я в душе смеялся над ней. Она забрала мои фотографии и ушла. Я проводил ее до трамвая. Она уехала. Что будет? Хорошее или плохое? Она милая, я люблю ее, несмотря ни на что.

Окончание следует